Корней Иванович Чуковский

Наконец-то весна! Весной родились два замечательных сказочника – Ганс Христиан Андерсен и Корней Иванович Чуковский, которому 31 марта 2012 года исполнилось 130 лет. Интересно, что быть детским писателем не собирались ни тот, ни другой Сказки Андерсен писал для взрослых. Чуковский прежде всего журналист, переводчик, критик, литературовед, лингвист, общественный деятель и прочая, прочая, прочая...Но помним-то мы его как всеобщего дедушку Корнея! И если уж берёмся цитировать Чуковского, то на ум идут не строки из «Мастерства Некрасова», а звонкие стихи про Муху-цокотуху, Мойдодыра, Айболита и Федору с её посудой. Эти стихи можно не только читать, в них можно играть, их можно танцевать, под них здорово прыгать, бегать и вообще быть ребёнком. Вот и кажется, что эти блистательные стихи написаны человеком, чьё детство было абсолютно лучезарным. Но это не так.

Детство мальчика Коли Корнейчукова (это настоящее имя Корнея Чуковского) было не больно радостным. Его биография будто написана другим великим юбиляром этого года Чарльзом Диккенсом.

Жила-была в городе Санкт-Петербурге красивая девушка из простого люда. И полюбила она студента. Стали они жить вместе. И родились у них дети – мальчик и девочка. Довольно скоро студенту надоело быть главой семьи и он бросил свою семью. Университет закончил, начиналась «настоящая», как он думал, жизнь, в которой жене «из простых» делать нечего.

Екатерина Ивановна Корнейчукова не отчаялась, она собрала детей и уехала в Одессу. Сейчас одинокой женщине с детьми не сладко. А в то время кроме материальных трудностей на такую мать сваливались ещё и моральные мучения. Внебрачные дети! Позор! Они считались незаконнорожденными. Слово-то какое! Не слово, а клеймо: с такими детьми нельзя дружить, таких нельзя любить, таких нельзя пускать в школы...

Прочитайте повесть Чуковского «Серебряный герб». Вы узнаете, какой душевной и физической чистотой обладала семья Корнейчуковых, как стойко и гордо несла мать

Чуковского свою долю. Вы поймёте, откуда у «незаконнорожденного» вместо ущербности взялась такая весёлая и свободная поэтическая натура.

Екатерина Осиповна прилагала все силы, чтобы дать детям образование. Неимоверными усилиями ей это удалось: дочь поступила в Епархиальное училище, сын Коля – во Вторую Одесскую прогимназию. Между прочим, одноклассником Коли Корнейчукова был другой будущий знаменитый детский писатель Борис Житков. Учился Коля жадно, очень способный был мальчик, но это не спасло его от травли. Не столько одноклассники – мальчишки часто благородней взрослых, сколько учителя. Коля перенёс бы любые унижения, только бы не огорчать маму. Как только она узнавала, что в гимназии произошло что-нибудь, грозящее сыну изгнанием, у неё начинались страшные головные боли и она подолгу не могла подняться с постели. Коля бы доучился, он был способный и любознательный. Но не пришлось. Вышел так называемый «указ о кухаркиных детях», предписывавший очистить учебные заведения от простонародья, и Коля Корнейчуков был с позором изгнан из гимназии. Он долго не решался сообщить об этом маме, боялся, что известие убьёт её. А Екатерина Осиповна знала и ничего не говорила сыну, чтобы не расстроить его.

И вот представьте себе долговязого подростка, лохматого, в изодранных брюках, вечно голодного, в худых башмаках, с чёрною повязкой на лбу (зачем она была нужна – Чуковский так и не смог объяснить никогда). Таким страшилищем Коля Корнечуков разгуливал по улицам Одессы. Почтенные граждане от него шарахались, опасаясь за свои кошельки и бумажники. Занимался он чем попало: клеил афиши на перекрёстках, чинил рыбачьи сети, чистил крыши от старой краски... И читал, читал, читал, запоем всё, что попадётся под руку. Близкие считали его пропащим, а он сам считал себя великим философом, ибо прочитал всех на свете Кантов, Шопенгауэров, Ницше...

Вообще-то в пятнадцать лет от такого беспорядочного поглощения философской литературы в голове образуется каша, чего, став взрослым, Чуковский и не скрывал. Однако это скажет Чуковский. Коля же Корнейчуков начал писать свою собственную философскую книгу. Как-то на книжном

развале не нашлось интересующей его умной книжки и ему всучили старый самоучитель английского языка. Какая ерунда, казалось бы! Но не для Коли. Философия была отодвинута в сторону. Коля не расставался с самоучителем целый год, разрисовывая крыши, на которых работал, английскими фразами, заучивая, в самом прямом смысле, километры английского текста. Через год он мог спокойно заявить, что владеет языком свободно. С тех пор наш герой утвердился в мысли, что самые прочные, настоящие знания только те, что добыты своим трудом. И в том, что человек трудящийся может всё. Вся его дальнейшая жизнь стала подтверждением этой нехитрой истины.

Однажды Коля прочитал отрывки из своей философской книги бывшему однокласснику, а тот возьми да скажи, что это можно опубликовать в газете… Так Коля Корнейчуков, шестнадцатилетний «босяк» начал литературный путь.

Он расстался с ненавистной метрикой, где сказано, что он «Николай Коронейчуков, сын девицы Екатерины Корнейчуковой» с прочерком на месте отчества. Паспорт же он выправил на имя, выкроенное из фамилии матери – Корней Чуковский, и отчество себе взял - Иванович, а не Васильевич, по отцу.

В одесской газете он берётся за любую работу, пишет маленькие заметки на любую тему. Через пять лет его отправляют в Лондон «собственным корреспондентом», но блаженство заграничной жизини продлилось очень недолго. Власти Одессы газету закрыли и Чуковский остался без гроша в кармане, став на несколько месяцев обитателем лондонского дна, настоящим Диккенсовским персонажем, пока, наконец, сжалившийся над ним капитан небольшого русского судна не вывез его на родину.

Так в 1903 году худой, голодный Корней Чуковский оказался наконец в своём родном городе Санкт-Петербурге и очень скоро стал одним из самых известных русских литераторов.

Прошло столько лет, а его творчество, его научные изыскания, переводы, его детские книжки так и остаются образцом для всех, кто пробует писать, и особенно для детей. И у его сказок, как у всяких гениальных литературных произведений, есть странное свойство – быть символом

нашей с вами жизни. Как бы хотелось, чтобы хоть «Тараканище» перестал быть метафорой, а стал тем, чем он и был – просто чудесной детской сказкой.

© Л.Е. Сычева, главный библиотекарь